

Научная статья

УДК 81.6

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.10

О ФУНКЦИЯХ НЕВЕЖЛИВОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Алексеев Александр Борисович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Москва, Россия

neuausstatten@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2740-4649>

Аннотация. В статье исследуется вопрос о невежливости в политическом дискурсе. Указывается, что дать универсальное определение понятию невежливости достаточно сложно, но, обращаясь к терминам «нападение на лицо» и «коммуникативные права», ученый может квалифицировать то или иное высказывание как невежливое, исходя не только или не столько из своих интуитивных, субъективных особенностей восприятия определенного речевого фрагмента, но и языковедческих критериев. В качестве методов исследования избраны общенаучный метод наблюдения, описательно-аналитический метод, метод контекстуального анализа, метод лингвопрагматического анализа, а также критический дискурс-анализ. В результате проделанной работы выделены несколько функций, которые невежливость выполняет в рамках политического дискурса: функция дискредитации, функция самопрезентации, функция политической диверсии, лудическая функция, катартическая функция. Основная функция, выполняемая невежливостью, связана с дискредитацией оппонента — дискредитация, по всей видимости, является и наиболее изученной в научной литературе. Однако необходимо принимать во внимание, что невежливость может также способствовать созданию позитивного имиджа говорящего, высвечивая его лидерские качества, жесткость, бескомпромиссность, серьезность намерений. Она позволяет человеку «выйти из толпы», стать заметным. Более того, в функции политической диверсии невежливость, являясь вызовом, способом непризнания легитимности власти того или иного государственного лица / группы лиц, способна изменять социальные иерархии в дискурсе, а учитывая креативную, социотрансформативную природу любой коммуникации, можно утверждать: невежливость оказывает влияние и на неязыковую реальность. Иногда невежливость в политическом дискурсе возникает непреднамеренно, будучи следствием эмоционального, катартического порыва, что особенно наглядно в ситуации, когда один из коммуникантов без особой на то причины перебивает говорящего. Наконец, невежливость оказывает развлекающее, лудическое воздействие на аудиторию, она способна мобилизовать избирателей, привить им неподдельный интерес к политике и происходящим событиям.

Ключевые слова: политический дискурс, невежливость, функция, нападение на лицо, дискредитация, политическая диверсия, катарсис.

Для цитирования: Алексеев, А. Б. (2022). О функциях невежливости в политическом дискурсе. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3 (47), 118–129. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.10

Original article

UDC 81.6

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.10

ON THE FUNCTIONS OF IMPOLITENESS IN POLITICAL DISCOURSE

Alexander B. Alexeyev

The Russian Academy of Economics and State Service

by the President of the Russian Federation,

Moscow, Russia

neuausstatten@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2740-4649>

Abstract. The article dwells on the issue of impoliteness in political discourse. It is pointed out that to give a universal definition of impoliteness as a concept is rather problematic but such notions as ‘face attack’ and ‘specialty rights’ may appear helpful in classifying a certain expression as impolite not only relying on the intuitive or subjective perceptions in judgement, but on linguistic criteria. As for research methods, the general scientific method of observation, the descriptive-analytical method, the method of contextual analysis, the method of linguopragmatic analysis, and critical discourse analysis were chosen. As a result, the following functions of impoliteness in political discourse were singled out: the function of discrediting, the function of self-representation, the function of political subversion, the ludic function, the cathartic function. The principal function is discrediting. Apparently, discreditation is also the most well-studied function of impoliteness in scientific literature. Nevertheless, it is necessary to take into account that frequent use of impoliteness can also contribute to the positive image of the speaker, highlighting his or her leadership skills, toughness, intransigence, seriousness of intentions. The use of impoliteness helps grasp the audience’s attention. Furthermore, being a means of political subversion and a challenge to the authority of some official / officials, impoliteness influences social hierarchies in discourse. Bearing in mind the creative and sociotransformative nature of any communication, it is possible to claim that impoliteness impacts non-linguistic reality too. Sometimes it is possible for impoliteness to emerge not purposefully. It can be the result of emotional or cathartic outburst which is particularly traceable in the situations when one of the participants of communication interrupts another one for no obvious reason. Finally, impoliteness exerts an entertaining, or ludic impact on the audience. In this capacity, impoliteness can mobilize voters, get them interested in politics and the ongoing political events.

Keywords: political discourse, impoliteness, function, face attack, discreditation, political subversion, catharsis.

For citation: Alexeyev, A. B. (2022). On the functions of impoliteness in political discourse. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3 (47), 118–129. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.10

Введение

Первый вопрос, который необходимо осветить в связи с языковедческим изучением невежливости, имеет отношение к уточнению дифференциальных признаков данного феномена. Кроме того, следует проанализировать особенности функционирования невежливости в различных типах дискурса — в статье речь пойдет о дискурсе политическом.

Долгое время лингвистические исследования посвящались рассмотрению исключительно вежливости, а невежливость представлялась в них аномалией или прагматическим провалом, не заслуживающим серьезного внимания ученых [1, р. 9]. Сейчас такая точка зрения отвергается большинством лингвистов. В этой связи хотелось бы подчеркнуть, что предмет лингвистики, в отличие от логики, не идеальный, а обычный, повседневный язык [2, с. 47], посредством которого и протекает процесс общения людей [3, S. 50], осуществляемый на основе выбора языковых единиц, наиболее соответствующих психологическому типу, социальному положению и прагматическим установкам говорящих.

В научной литературе отмечается тенденция к огрублению современной речи [4, с. 385]. Вне зависимости от того, как относиться к происходящим изменениям, их нельзя игнорировать, а поэтому несомненно, что тема настоящего исследования весьма актуальна. Новизна работы обуславливается тем, что, по имеющимся у нас сведениям, функциональные аспекты невежливости в политическом дискурсе были освещены недостаточно.

Трактовка понятия «невежливость»

С одной стороны, определить категорию невежливости, в том числе облаченную в форму иронии и сарказма, можно с позиций жизненного опыта индивидуума. Ситуация двусмысленности — когда приходится действительно задуматься о смысле сказанного — в реальной коммуникации встречается редко. Исходя из контекста и своего коммуникативного опыта, адресат, как правило, легко дифференцирует вежливый/невежливый модусы речи.

Подвергая невежливость лингвистическому рассмотрению, исследователь не может исходить из собственных интуитивных установок. Ему необходимы *научные* критерии, позволяющие квалифицировать высказывание как вежливое или невежливое. Дать универсальное определение понятию «невежливость» сложно, поскольку это явление настолько зависимо от ситуации общения, что то, что в одном случае носит явно невежливый характер, в другом — должно интерпретироваться совершенно иначе, ведь представления о невежливости у социальных (возрастных, гендерных) групп, не говоря уже об индивидуальных и национально-культурных особенностях восприятия того или иного типа речеязыкового поведения, кардинально отличаются друг от друга.

Дж. Калпепер приводит пример неоднозначного толкования такого, казалось бы, очевидно невежливого поведения, как громкая ругань и брань.

Действительно, если молодые люди употребляют нецензурные слова в общественном транспорте или тихом жилом квартале, это предосудительно. Однако в толпе футбольных фанатов (или рок-музыкантов) грубая лексика несет важную функциональную нагрузку, способствуя единению коллектива. Автор заключает: невежливость — это подвижная, ситуативно обусловленная категория, зависящая, помимо прочего, от субъективного восприятия адресата. В итоге невежливость направлена на то, чтобы нанести человеку психоэмоциональный вред, негативно воздействовать на него [1, pp. 21–22].

В качестве основного термина при описании невежливости можно использовать выражение «нападение на лицо» (*англ.* face attack). Концепт «лицо» восходит к трудам Э. Гофмана, определявшего его как образ, формируемый личностью прежде всего для самой себя, предполагающий акцентирование ею своих позитивных характеристик, находящих одобрение в социуме. Причем этот образ способен распространяться на группу людей — так, человек, избирающий положительную самопрезентацию, одновременно может увеличивать престиж профессионального или религиозного сообщества, к которому он принадлежит [5, с. 18–19].

Итак, невежливость предполагает нападение, но не всегда сводима к нему. В частности, интерес для исследователя невежливости представляет понятие Х. Спенсер-Оати *speciality rights*, указывающее на то обстоятельство, что любая вежливая коммуникация строится на принципах справедливости, уважения и поведенческой уместности. Автор выделяет два основных вида коммуникативных прав, на которые может претендовать каждая личность, — это справедливость (*англ.* equity) и должная степень внимания (*англ.* association) [6, p. 16]. Нарушение данных коммуникативных прав неизбежно ведет к невежливости.

Материал и методы исследования

Предпринимаемое исследование выполняется преимущественно в русле лингвопрагматики и критического дискурс анализа (КДА), разработанного прежде всего усилиями зарубежных ученых — Т. Ван Дейка, Н. Фэркло, Р. Водак и др., — получившего признание и распространение и в отечественной науке.

Необходимо отметить, что и лингвопрагматика, и КДА не представляют собой однородных языковедческих школ и допускают весьма многообразные подходы к изучаемым феноменам. Так, в классической версии критической лингвистики акцент делается на рассмотрении общественно важных текстов, политически информированной и ангажированной трактовке дискурса, пристальном внимании к нелегитимным языковым практикам, в основе которых лежит либо манипуляция, либо вовсе опасные идеологические установки (расизм, сексизм, исламофобия). Указывается практическая необходимость оказывать недвусмысленную поддержку агентам перемен [7, с. 24], способствовать осведомленности общества о ключевых проблемах современности, ибо, говоря словами Н. Фэркло, «осознание — первый шаг к освобождению» [8, p. 1]. Главными методами КДА признаются *нормативная* и *эксплицитная критика* [9, с. 237].

Помимо апелляции к инструментарию КДА, в статье мы применяем и иные общенаучные и лингвистические методы, включая *наблюдение, описательно-аналитический метод, метод контекстуального анализа, метод лингвопрагматического анализа*.

Материалом исследования послужили 11 разножанровых политических текстов на трех языках — русском, английском, немецком.

Результаты и дискуссия

Традиционно считалось, что невежливость употребляется политиками, не имеющими шансов на успех. На наш взгляд, более точно сказать, что невежливость часто используется теми политиками, которые желают (или делают вид, что желают) подвергнуть пересмотру социальные отношения. Рассмотрим пример:

МАЛЬЦЕВ: Мы хотим спасти Россию от революции! Да, и я призываю к нормальной и законной революции, которую можно свершить лишь путем импичмента. Нужно отстранить от власти главный тормоз, который мешает нашей экономике (<http://www.svoboda.org/a/27938494.html>).

В. Мальцев — член партии ПАРНАС — выступает за импичмент президента. Такое заявление уже может рассматриваться как нападение на *лицо отношений*¹, ибо под сомнение ставится легитимность власти В. Путина, пользующегося поддержкой внушительной части электората. Оппозиционный политик не только не признает это, но и выдвигает требование импичмента, для осуществления которого партии ПАРНАС, не имеющей, как известно, представительства в Государственной думе, потребовалось бы большинство голосов в обеих палатах российского парламента.

Имело ли оппозиционное движение какие-либо шансы осуществить проект импичмента? Вопрос риторический, но сам факт того, что В. Мальцев в категоричной форме потребовал отстранения президента от должности, с помощью игры слов, в частности актуализации многозначности лексемы «тормоз», в жаргонном варианте русского языка обозначающей медлительного человека, оскорбив его, весьма значителен — своей бескомпромиссной позицией кандидат от партии ПАРНАС не мог не привлечь внимание общественности. В данном случае наблюдаем невежливость сразу в нескольких функциях, главным образом дискредитации и самопрезентации, соотносящейся с борьбой за внимание аудитории, — то, что в немецкой терминологии обозначается как *Aufmerksamkeitkampf* [10, р. 6]. Более того, посредством невежливости осуществляется попытка создания иллюзии изменившегося баланса политических сил — это функция политической диверсии (*англ. political subversion*) [11, р. 124], имеющая назначение с помощью актуализации креативной, социотрансформативной природы языка и дискурса воздействовать на неязыковую реальность.

¹ Термин Дж. Калпепера, в оригинале — *relational face* [1, pp. 28–31].

Невежливость активно используется для дискредитации политического оппонента, и при этом она достаточно часто сочетается с самопрезентацией кандидата, ведь понижая своего противника, политик стремится показать, что он другой, не такой как его *vis-à-vis*, что в крайнем своем проявлении представляет собой прием пропаганды, известный как «пугающая альтернатива» [12, с. 19]:

*CHRISTIE: ...maybe because I'm from New Jersey, I just have this kind of plain language hangup. But I would make very clear — I would not talk to Vladimir Putin. In fact, I would talk to Vladimir Putin a lot. But I'd say to him, «Listen, Mr. President, there's a no-fly zone in Syria; you fly in, it applies to you». And yes, we would shoot down the planes of Russian pilots if in fact they were stupid enough to think that this president was **the same feckless weakling that the president we have in the Oval Office is right now** (<https://www.youtube.com/watch?v=YHYk0K7iszo>).*

Губернатор штата Нью-Джерси К. Кристи стремится создать себе имидж жесткого, бескомпромиссного человека, который не будет прогибаться перед внешнеполитическими противниками США, для чего он в конце реплики фактически оскорбляет Б. Обаму, поскольку, по мнению говорящего, позиция президента по вопросу России недостаточно решительная и твердая.

Использование невежливости порой создает образ сильного лидера. Для этой цели она употребляется не только оппозицией, но и ведущими политиками, в том числе российским президентом:

*Ваши **так называемые эксперты** выдают желаемое за действительное. Я уже много слышал **бредней** по этому поводу (<https://www.youtube.com/watch?v=kG53ucGD9UM>).*

Оспаривая враждебную ему позицию, глава российского государства употребляет разговорное слово «бредни», а также добавляет к профессиональному званию «эксперты» характеристику «так называемые», что дискредитирует их.

В политическом дискурсе западных стран одним из способов самопрезентации кандидатов является отвержение норм политкорректности, что становится возможным в свете происходящей в современном мире «смене этических норм» [13, с. 145]. С чисто лингвистической точки зрения суть изменений может быть сведена к следующему: если раньше было престижным пользоваться общелитературным языком, строго следуя правилам, то сегодня политики, журналисты, представители прочих престижных интеллектуальных профессий все чаще стараются имитировать речезыковое поведение, отличающееся сниженным стилем [4, с. 385], что отчасти соотносится и с такими коммуникативными трендами современности, как *ювенилизация*, *презентационность* и *американизация* [14, с. 98].

Когда речь заходит о политкорректности, всегда имеет смысл обращаться к широкому социокультурному контексту, ведь противники политкорректности позиционируют себя, к примеру, борцами за свободу слова, гарантированную в большинстве стран Европы и США:

WEIDEL: Sogar die Auffettung der Einwohnerzahl durch zugewandte Straftäter mit mehrfachen Identitäten scheint sie überhaupt gar nicht zu stören. Doch ich

*kann Ihnen sagen **Burkas, Kopftuchmädchen und alimentierte Messermänner und sonstige Taugenichtse** werden unseren Wohlstand das Wirtschaftswachstum und vor allem den Sozialstaat nicht sichern* (<https://www.youtube.com/watch?v=Mtu3MMUph4A>).

Это высказывание А. Вайдель оскорбительно для всех женщин-мусульманок, носящих платок, поскольку они поставлены в один ряд с террористами и никчемными людьми. Такая противоречивая риторика депутата Бундестага служит определенным прагматическим целям: избирателю демонстрируется серьезность ее намерений, готовность бороться с мигрантами.

В оппозиционном немецком политическом дискурсе употребляется невежливость и в функции политический диверсии:

*BAUM: Und deshalb schicke ich von hier aus einen Gruß nach Berlin an unsere **geliebte Kanzlerin**. Frau Doktor Merkel, wir kommen und ihre gemütliche ruhigen Stunden im Bundestag sind ein für alle Mal vorbei. Wir treten Ihnen selbstbewusst entgegen und wir werden Ihr **verantwortungsloses Verhalten** tagtäglich vor Augen führen und Rechenschaft verlangen. ... Sie, **Frau Merkel und Co.**, Sie werden die **Verantwortung dafür übernehmen müssen, was Sie unserem Volk angetan haben**. Und ich habe mir vorgenommen solange bei Politik dabei bleiben bis **Sie Frau Doktor Merkel vor Gericht stehen**. Und ich bin ganz sicher: dieser Tag ist nicht mehr weit* (<https://www.youtube.com/watch?v=SiD5wVELE1o>).

На первый взгляд, высказывание К. Баум — представительницы партии «Альтернатива для Германии» — соответствует формальным признакам вежливости: обращаясь лично к главе ФРГ, политик использует местоимение «Вы» и официальный титул *Frau Doktor Merkel*. Однако одновременно употребляется ирония, выраженная во фразах *unsere geliebte Kanzlerin* («наша любимая госпожа канцлер») и *Frau Merkel und Co.* Второй вокатив недвусмысленно указывает на предполагаемую коррумпированность немецкого правительства, его связь с крупными корпорациями, чьи интересы оно, согласно точке зрения оппозиции, лоббирует. А. Меркель обвиняется в безответственном поведении и принятии преступных решений, вредящих немецкому народу. В словах К. Баум звучит убежденность, что бундесканцлер должна предстать перед судом, и день, когда это случится, по ее мнению, близок. Тем самым легитимность власти демократически избранного политика отрицается.

Обвинение — это речевой акт, традиционно осуществляемый властными людьми по отношению к безвластным [15, с. 258]. В политическом дискурсе данная закономерность временами не соблюдается: (оппозиционные) политики, не имеющие еще реальных рычагов власти, выдвигают громкие обвинения — тем самым обосновываются их претензии на власть, а коммуникация ведется с платформы по меньшей мере морального превосходства над противником. В этой связи употребляются фразы ‘Shame on you!’, ‘Schämen Sie sich!’, «Как вам не стыдно!», что при условии равного социального статуса участников общения может трактоваться как невежливость, а именно,

если придерживаться терминологии Дж. Калпепера, нападение на *лицо качеств и отношений* [1, pp. 28–31]:

CLINTON: Once again he asked for visas to employ foreign workers at his country clubs because he says he can't find any American workers. Shame on you, Donald Trump! Shame on you! (<https://www.youtube.com/watch?v=giUQiXAXuAQ>).

Чаще всего обвинения выполняют функцию дискредитации. Обвинения в адрес оппонента иногда сопровождаются требованиями изменить свое поведение, например прекратить врать.

То, что политики обвиняют своих коллег в совершении не только аморальных, но и противозаконных действий, угрожая им судом, тоже не является редкостью. Яркий пример — заявление Д. Трампа во время вторых президентских дебатов о возможности уголовного преследования Х. Клинтон:

*TRUMP: ...if I win, I am going to instruct my attorney general to **get a special prosecutor to look into your situation, because there has never been so many lies, so much deception*** (<https://www.youtube.com/watch?v=ooShpws3Dik>).

Невежливость в политическом дискурсе нередко возникает и вследствие перебивания говорящего, т. е., в терминах Х. Спенсер-Оати, нарушения его коммуникативных прав [6, p. 16]. Обычно в таких случаях она выполняет *катартическую функцию*:

BUSH: You said on September 30th that ISIS was not a factor.

TRUMP: Am I talking or are you talking, Jeb?

BUSH: I'm talking right now. I'm talking.

TRUMP: You can go back. You're not talking. You interrupted me.

...

BLITZER: Go ahead, Mr. Trump.

TRUMP: So...

BUSH: A little of your own medicine there, Donald (<https://www.youtube.com/watch?v=YHYk0K7iszo>).

Катартическая (катарсис — от др.-греч. *Κάθαρσις*, досл.: очищение) функция невежливости едва ли связана с реализацией стратегического плана; скорее, она является результатом эмоционального состояния человека. Обратим внимание на фразу Дж. Буша 'A little of your own medicine there', указывающую, что кандидат хочет отплатить своему обидчику той же монетой, негативно воздействовать на его психоэмоциональное состояние. Впрочем, Д. Трамп легко парировал попытку Дж. Буша захватить коммуникативную инициативу, заметив:

*... I know you're trying to **build up your energy, Jeb**, but it's not working very well* (<https://www.youtube.com/watch?v=YHYk0K7iszo>).

Во-первых, данная реплика напоминает избирателю о диффамирующем ярлыке, который был прикреплен к личности Дж. Буша, — «неэнергичный» (англ. low-energy). Во-вторых, она вызвала смех аудитории, что говорит о ее лудическом воздействии (от лат. *ludus* — игра).

Современный политический дискурс потребляется массовым адресатом. Большинство людей, смотрящих политические новости по телевизору или Интернету, на самом деле, хотят отдохнуть, например, после рабочего дня, параллельно узнав о том, «что в мире творится». Серьезные дискуссии, скучные, длинные речи вряд ли imponируют зрителям, поскольку они требуют большой умственной нагрузки. Именно поэтому кандидату очень важно развеселить аудиторию, заинтересовать ее, а сделать это можно благодаря употреблению невежливых фраз — в этом заключается еще одна важная функция невежливости — *лудическая* [16, р. 219].

Д. Трамп в своих предвыборных речах актуализировал эту функцию, превращая политический дискурс в своеобразный политейнмент (от *англ.* слов *politics + entertainment*), *в основе которого лежат* (полу)шутливые *нарративы* [17, с. 30]. Сам кандидат в президенты отмечал, что ему, в отличие от Х. Клинтон, не надо приглашать на митинги звезд — он и так собирает тысячи людей:

TRUMP: I hear we set a new record for this building and by the way, I did not have to bring Jay Lo and Jay Z, the only way she gets anybody. I am here all by myself. Just me, no guitar, no piano, no nothing (<https://www.youtube.com/watch?v=Dj1L0TNNHTg>).

Выделенная фраза является не только дискредитацией, но и включает в себя достаточно фамильярное обращение к политическому противнику — говорящий даже не утруждается назвать имя своей соперницы, ведя речь о «ней», что тоже может быть воспринято в качестве невежливости.

Позднее, выступая перед аудиторией уже в должности президента, Д. Трамп сравнивал себя со знаменитым музыкантом Э. Джоном:

I have broken more Elton John records, he seems to have a lot of records. And I, by the way, I don't have a musical instrument... (<https://www.snopes.com/fact-check/trump-mouth-musical-instrument/>).

Лудической функции служили многочисленные оскорбления, которые Д. Трамп употреблял по отношению к своим конкурентам. Для усиления воздействия им использовался прием гиперболизации — намеренного преувеличения слабостей своих оппонентов. Благодаря этому создавался комический эффект:

Jeb Bush, a very low-energy individual, signed a pledge — while he was signing it, he fell asleep (<https://www.youtube.com/watch?v=WdkwXsUBhoQ>).

Еще один способ развлечения аудитории, актуализируемый Д. Трампом, — использование неполиткорректной лексики. Причем для него характерно издевательство над нормами политкорректности, намеренное столкновение в пределах одной фразы нескольких «смысловых оболочек» [18, с. 65] — относительно вежливой и невежливой форм выражения:

We have a president who doesn't have a clue. I would say he's incompetent, but I don't want to do that because that's not nice (<https://www.youtube.com/watch?v=2rU4W3yfd58>).

Выражения ‘not to have a clue’ и ‘to be incompetent’ — синонимы. Первое представляет собой достаточно мягкое изречение мысли (эвфемизм), второе — несколько прямолинейно. Кандидат не без помощи манипуляции отказывается произносить словосочетание ‘to be incompetent’, но на самом деле очевидно,

что он не только произносит его, но и в пределах короткого речевого фрагмента дважды вербализирует основную идею, что действующий президент США некомпетентен. Оговорки же способствуют развлекающему эффекту — кандидат утверждает, что, руководствуясь соображениями вежливости, не хочет говорить слишком резко, но как бы мимоходом вербализирует дискредитирующую фразу. В риторике этот прием иногда именуется термином *прохождение*².

Более того, Д. Трамп нередко дает метаязыковые комментарии для того, чтобы закрепить в сознании избирателей свои лозунги. В следующем примере политик добивается того, чтобы аудитория запомнила фразу ‘Drain the swamp!’:

I want the entire corrupt Washington establishment to hear the words we are all about to say. When we win on November the 8th, we are going to drain the swamp. I keep telling people I hated that expression. I said it's so hawky. And then one group heard it, they went crazy, another group heard it. Then we had a big-big rally in Florida. They went crazy about it. And now I love it. It's true. It's very accurate (<https://www.youtube.com/watch?v=Dj1L0TNNHTg>).

Лудическая функция невежливости проявляется и в намеках, инсинуациях, иронических замечаниях.

Заключение

Невежливость — сложное многофункциональное дискурсивное явление. Точка зрения, что политик должен быть всегда вежливым и политкорректным, долгое время торжествовавшая в научной литературе, может быть принята без скепсиса, только если исходить из лингвоэтических побуждений и вытекающих отсюда прескриптивных исследовательских установок. Напротив, если предпринимать анализ политического дискурса с позиций лингвопрагматики, необходимо признать, что современному политику полезно владеть как вежливыми, так и невежливыми модусами речи, употребляя их соответственно ситуации и задачам, которые он перед собой ставит.

В настоящей статье были упомянуты следующие функции, выполняемые невежливостью в политическом дискурсе: функция дискредитации, функция самопрезентации, функция политической диверсии, лудическая функция, катартическая функция. Несомненно, необходимо их более детальное рассмотрение. На данном этапе более или менее подробное освещение получила разве что дискредитация — даже стратегия самопрезентации редко соотносится с понятием невежливости. Почти неизученными в аспекте их связи с невежливыми формами самовыражения остаются функция политической диверсии, лудическая и катартическая функции. Можно также предположить, что функциональные возможности невежливости в рамках политической коммуникации не ограничиваются выделенными нами функциями, а следовательно, требуются дальнейшие исследования, адресованные этой актуальной лингвистической проблеме.

² Можно также предложить термин *упоминание вскользь*.

Список источников

1. Culpeper, J. (2011). *Impoliteness. Using language to cause offence*. Cambridge Press.
2. Равочкин, Н. Н. (2020). Языковые игры в сфере политики и права: аналитические философы vs постмодернисты. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2, 46–53.
3. Bartoszewicz, I. (2000). *Formen der Persuasion im deutsch-polnischen politischen Dialog*. Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.
4. Ларина, Т. В. (2009). *Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций*. Рукописные памятники Древней Руси.
5. Гофман, Э. (2009). *Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу*. Смысл.
6. Spencer-Oatey, N. (2008). *Culturally Speaking. Culture, Communication and Politeness Theory*. Continuum International Publishing Group.
7. Ван Дейк, Т. А. (2013). *Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации*. Либроком.
8. Fairclough, N. (1989). *Language and power*. Longman Group.
9. Ионова, А. О. (2016). Современные подходы к анализу политического дискурса. *Политическая наука*, 3, 236–259.
10. Janich, N. (2012). *Handbuch Werbekommunikation. Sprachwissenschaftliche und interdisziplinäre Zugänge*. Francke Verlag.
11. McEnery, T. (2009). *Swearing in English. Bad language, purity and power from 1586 to the present*. Routledge.
12. Гринберг, Т. Э. (2005). *Политические технологии: ПР и реклама*. Аспект Пресс.
13. Ратмайр, Р. (2013). *Русская речь и рынок: традиции и инновации в деловом и повседневном общении*. Языки славянской культуры.
14. Кондакова, Е. А., Принципалова, О. В. (2021). Лингвокогнитивная структура немецкого дискурса о политкорректности: история и современность. *Вестник НГУ*, 2, 143–156.
15. Галичкина, Е. Н. (2019). Типология речевых жанров сетевой компьютерной коммуникации. *Известия ВГПУ*, 2 (135), 97–100.
16. Leech, G. (2014). *The pragmatics of politeness*. Oxford University Press.
17. Михайлова, О. Р. (2021). Возможности применения эго-сетевого анализа для изучения распространения моральной паники на межличностном уровне. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2, 28–47.
18. Эрлих, С. Е. (2016). *Война мифов. Память о декабристах на рубеже тысячелетий*. Нестор-История.

References

1. Culpeper, J. (2011). *Impoliteness. Using language to cause offence*. Cambridge Press.
2. Ravochkin, N. N. (2020). Yazy'kovy'e igry` v sfere politiki i prava: analiticheskie filosofy` vs postmodernisty`. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2, 46–53. (In Russ.).
3. Bartoszewicz, I. (2000). *Formen der Persuasion im deutsch-polnischen politischen Dialog*. Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.
4. Larina, T. V. (2009). *Kategoriya vzhlivosti i stil` kommunikacii: sopostavlenie anglijskix i russkix lingvokul'turny`x tradicij*. Rukopisny`e pamyatniki Drevnej Rusi. (In Russ.).

5. Gofman, E. (2009). *Ritual vzaimodejstviya: Oчерki povedeniya licom k licu*. Smy`sl. (In Russ.).
6. Spencer-Oatey, H. (2008). *Culturally Speaking. Culture, Communication and Politeness Theory Continuum International Publishing Group*.
7. Van Dejk, T. A. (2013). *Diskurs i vlast` : Rerezentaciya dominirovaniya v yazy`ke i kommunikacii*. Librokom. (In Russ.).
8. Fairclough, N. (1989). *Language and power*. Longman Group UK Limited.
9. Ionova, A. O. (2016). Sovremenny`e podxody` k analizu politicheskogo diskursa. *Politicheskaya nauka*, 3, 236–259. (In Russ.)
10. Janich, N. (2012). *Handbuch Werbekommunikation. Sprachwissenschaftliche und interdisziplinäre Zugänge*. Francke Verlag.
11. McEnery, T. (2009). *Swearing in English. Bad language, purity and power from 1586 to the present*. Routledge.
12. Grinberg, T. E. (2005). *Politicheskie texnologii: PR i reclama*. Aspekt Press. (In Russ.).
13. Ratmayr, R. (2013). *Russkaya rech` i ry`nok: tradicii i innovacii v delovom i povsednevnom obshhenii*. M.: Yazy`ki slavyanskoj kul`tury`. (In Russ.).
14. Kondakova, E. A., Printsipalova, O. V. (2021). Lingvokognitivnaya struktura nemeczkogo diskursa o politikorrektnosti: istoriya i sovremennost`. *Vestnik NGU*, 2, 143–156. (In Russ.).
15. Galichkina, E. N. (2019). Tipologiya rechevy`x zhanrov setevoj komp`yuternoj kommunikacii. *Izvestiya VGPU*, 2 (135), 97–100. (In Russ.).
16. Leech, G. (2014). *The pragmatics of politeness*. Oxford University Press.
17. Mixaylova, O. R. (2021). Vozmozhnosti primeneniya e`go-setevogo analiza dlya izucheniya rasprostraneniya moral`noj paniki na mezhindividual`nom urovne. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: e`konomicheskie i social`ny`e peremeny`*, 2, 28–47. (In Russ.).
18. E`rlix S. E. (2016). *Vojna mifov. Pamyat` o dekabristax na rubezhe ty`syacheletij*. Nestor-Istoriya. (In Russ.).

Информация об авторе

Александр Борисович Алексеев — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры профессиональной языковой подготовки Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Information about the author

Alexander B. Alexeyev — PhD (Philology), senior lecturer, Professional Language Preparation Department, The Russian Academy of Economics and State Service by the President of the Russian Federation.